

Мало известен цикл рассказов Дойла о пирате Джоне Шарке. Из этого цикла мы публикуем два рассказа, в них для усиления их значимости — и фабульной, и характеристик персонажей, — внесены эпизоды из других рассказов этого цикла-повествования о знаменитом пирате. Названия рассказов изменены, слишком длинные — они, не в пример названиям рассказов о Холмсе, раскрывают сюжеты наперед.

**Артур
Конан Дойл**

Артур Конан Дойл (1859—1930) — автор многих исторических романов и научно-фантастических повестей, его рассказы о сыщике Шерлоке Холмсе читают во всем мире.

ДВА РАССКАЗА О КАПИТАНЕ ШАРКЕ

ШАРКЕ И КАПИТАН СТИВЕН КРЭДОК

1

Если обычно морские разбойники лишь грабили (гибли те, кто сопротивлялся), то судьба команд и пассажиров судов, захватываемых пиратами Шарке, предопределялась уже самим названием его судна — «Счастливое избавление»! Команда этого судна (барка) — пятьдесят-шестьдесят таких же отщепенцев рода человеческого, как и их капитан, — «избавляла» от жизни всех своих пленников, топила вместе с их судами.

Черный барк Шарке (окрашен был в черный цвет) черным смерчем взлетал над горизонтами почти всех американских морей — от Новой Англии до Нового Света¹.

Вдруг стало известно: Шарке — на острове Ла Ваш. Охотится на быков.

Охота на этих животных опасна. Ведь это лишь поначалу переселенцы из Европы шутили, что в Америке охотятся на коров. И самка («корова»), будучи раненной, бросается на охотника.

О поединке Шарке с быком рассказал матрос из его команды:

— Он только ранил — и бык на него! Так он, капитан, будто он тореро, увернулся и — кинжалом в бок... По самую рукоятку! Мясом капитан, свежим, всегда обеспечивает команду.

С восторгом заливался допрашиваемый об охотничьих подвигах своего главаря. А сам от него — сбежал... Рассказывал:

— С собою капитан взял четверых матросов. И я первым увидел быка. Выстрелил. Промахнулся. Ну и что — бывает же. И ведь знает капитан, как я стреляю! Всегда берет меня на охоту. А тут... Ну да, промахнулся, бык убежал. Так как же — бил! Так бить — за промах в какую-то корову! Вот я и решил... Да нет, стерпел бы — куда ж деваться? А только, я слышал... Еще раньше, нечаянно, услышал разговор капитана с Нэдом. Что, мол, к югу, милях в десяти, валят сосны. На мачты. И я... В первую же ночь — туда.

¹ Новой Англией англичане в XVII веке называли северный материк Америки. Новым Светом поначалу называлась (приблизительно) территория современной Бразилии, так ее назвал пилот (штурман) португальской экспедиции Америго Веспуччи. Имя которого затем и стало основой названия «Америка»: он первый понял, что Колумб открыл не Индию, а другую (западную) половину всего нашего Света.

Как раз там загрузили судно. Барк. Порт назначения — Кингстон. А мне — хоть куда...

— А кто у вас этот Нэд?

— Нэд — квартирмейстер! Нэд Гэллуэй. Это он сказал капитану о том месте. Сказал, что придут туда лесовозы и, мол, не стоит ли нам навестись туда?

А капитан ему: «Нет! Отправишься на Эспаньолу¹. Пора нам кренговать². Там, на северном побережье... Помнишь, возле того индейского селения чистить лучше, чем где-либо. Потом, на обратной дороге — ведь через все Карибы! — нагоните какого-нибудь купца. А то что же, пока я охочусь, вам — лодырничать у берега? Так что... Я — за быками, вы после кренгования — за купеческими корытами!»

Показания матроса отвечали действительно. В самом деле, только член команды Шарке, а не кто-то извне, мог знать, что и где будут делать его сотоварищи. Да и сам этот матрос, давая эти показания, мог сомневаться лишь в том расстоянии от земли, на которое будет вознесен в случае их лживости...

2

Губернатор Ямайки сэр Эдвард Комптон, горбоносый ирландец (если о его кельтском происхождении свидетельствовала огненно-рыжая шевелюра, а цвет носа — об известном пристрастии, то пламенный темперамент, возможно, происходил от итальянцев Юлия Цезаря, как известно, явившихся на острова Туманного Альбиона гораздо раньше англосаксов), встретил эту новость в соответствии с объемом своей громадной фигуры — с громовым восторгом! А именно в таком настроении и ожидали увидеть-услышать своего губернатора жители Кингстона. Главного на Ямайке поселения вчерашних европейцев.

И сразу же стали приходиться к губернатору со своими предложениями — как «не упустить такой случай»!

Однако уже вскоре огненную голову сэра Эдварда охладила осознаваемая реальность. В са-

мом деле. Пехоты, достаточной, чтобы в поисках Шарке прочесать Ла Ваш (не такой уж и маленький остров), в его распоряжении не было. Ну да, так: можно было бы перехватить барк Шарке в проливе между Эспаньолой и Кубой — в видимости там одного корабля с другого... Но, увы, в гавани Порт-Ройала стоял на якоре лишь один корабль, притом такой, какому не устоять перед двадцатипушечным Шарке. Конечно, тотчас послал он этот корабль к материку. Но пока тот туда доплывет, пока снарядят там настоящие боевые корабли, пока они достигнут Эспаньолы... Пираты... Что? Ожидать, что ли, будут эти корабли в этом проливе...

Секретарь доложил губернатору, что явился Крэдок. Доложил некорректно, просто Крэдок. Будто тот какой-нибудь плотник или жестянщик.

— Мистер Крэдок! Рад вас видеть, — сказал вежливо сэр Эдвард. Впрочем, из-за стола не поднялся (он тоже помнил, что мистер Крэдок был когда-то пиратом). — Садитесь.

Но тот все стоял. Еще далеко не старый, крепко сложенный, суровый лицом; был он, Крэдок, даже капитаном пиратского судна! Однако лет восемь-девять назад явился с повинной — и тем в Кингстоне, чьи суда когда-то ограбил, отдал еще больше. Судья же настолько был им доволен, что отказал требованиям губернатора Виргинии выдать его для тамошнего суда, только попросил священника-пуританина взять его под свою опеку³.

— Что ж... — начал мистер Крэдок разговор.

Но, встретив не очень-то приветливый взгляд губернатора (ну да, конечно, сэр Эдвард, губернатор, вспомнил о его, Крэдока, прошлом), умолк.

— Сэр! — заговорил все-таки. — Вы можете мне поверить. С помощью преподобного Джона Саймонса я стал другим человеком. И если на вашем, сэр, высоком поприще потребуется духовная помощь, советую вам обратиться к Джону Саймонсу. Преподобный слышит глас Божий, он поможет и вам!

Однако стать другим человеком сэр Эдвард не хотел.

— Мистер Крэдок! Мне доложили, что пришли вы...

¹ Так поначалу переселенцы из Европы называли остров Гаити.

² Кренговать — значит очищать дно судна от морских растений и ракушек. И если обычно это делали в доке, то пираты, заведя судно в какую-нибудь узкую бухту, ставили его на якорь (так что во время отлива судно оставалось на сухом), крепили к нему блоки, тали, наклоняли его, кляли на бок. И надо было успеть очистить дно до прилива.

³ Пуритане призывали к очищению англосакской церкви от влияния католицизма, к особо строгой морали в повседневной жизни.

— Да, сэр, я пришел с предложением, как остановить этого разбойника. Уж слышом навозне рог беззакония! А я сегодня услышал духоподъемную проповедь Джона Саймонса. И мне открылось, как подсесть рог злодея. Что ж! (Собственно, это восклицание «что ж» — любимое присловье Крэдока.)

Выказанный Крэдоком план — не просто уничтожения Шарке на месте, а счастливой возможности лицезрения его на виселице, — вдохновил губернатора Комптона. К тому же он, сэр Эдвард, был не лишен спортивного задора (каковой он испытывал, например, во время устраиваемых им сражений бойцовых петухов). А тут... Состязание в хитрости между действующим и бывшим пиратами. Больше того, между их капитанами!

Так что, выслушав предложение мистера Крэдока, губернатор уже несколько по-другому посмотрел на этого своего посетителя. Ибо теперешнее весьма немалое свое состояние обрел тот вполне законно, перепродавая владельцам сахарно-тростниковых и хлопковых плантаций доставляемых им из Африки чернокожих рабов. Нет, теперь жизнь Крэдока — это жизнь верноподданного короля, человека, соблюдающего установленный порядок. И сэр Эдвард вспомнил даже имя мистера Крэдока:

— Стивен! Вы, как я понял, решаетесь сами исполнить вами задуманное. Но вам ли не знать... Извините, вам ли не понимать, какой опасности подвергнете свою жизнь? Ведь этот Шарке хитрее самого дьявола!

На что Крэдок — Стивен Крэдок, мистер Крэдок! — заявил:

— Что ж! Если постигнет меня конец... Пусть сама моя гибель — во имя общего дела! — изгладит воспоминания обо мне как о дурном человеке. Что ж... Но, сэр, осечки быть не должно.

«Какое самоотвержение человека! — Сэр Эдвард был взволнован. — Достойным станет имя, которое этот бывший пират передаст своим детям».

И он, сэр Эдвард, губернатор Комптон, взволновался еще больше, чем даже тогда, когда его любимый бойцовый петух, уже было припавший на крыло в схватке с петухом мистера Кодрингтона, поднялся и нанес смертельный удар своему противнику. «К тому же, — подумал он, — все надо подготовить. А это все сможет лишь тот, кто обладает властью. В случае же успеха... Имя того, кто все это устроит, конечно же, прозвучит первым».

— Что ж! — проговорил он. И хотя это слово было лишь присловьем в речи автора плана, утвердил его на своем губернаторском столе ударом кулака, будто печатью на приказе о повешении разбойника. Характером своим он, сэр Эдвард, несомненно, был похож на сегодняшнего своего посетителя.

А и впрямь: кто, как не он, губернатор, смог бы уговорить мистера Кодрингтона одолжить его судно во имя общего дела?

Дело же могло быть свершено только потому, что в свое время это судно мистер Кодрингтон заказал на судоверфи в паре с точно таким же трехмачтовым барком¹. И суда были настолько одинаковыми, что когда одно из них входило в гавань Порт-Ройала, сомневались даже моряки: «Белая...» это или «Черная роза»? То есть розы «цвели» в названиях обоих этих судов.

Чтобы они не сомневались — им помог Шарке!

То есть команда одного из этих судов (а именно «Черной розы») сдалась пирату потому, что на его, Шарке, судне (тогда еще бригантине²) были пушки, а на их барке всего лишь мачты. (Мистер Кодрингтон поставлял их многим верфям.)

Как впоследствии поведал один из матросов «Черной розы» (почему, по каким причинам кого-то оставлял Шарке в живых, рассказать придется в другой раз), их заставили помогать в перетаскивании пушек с бригантинны на барк, и они уже подумали, что их отпустят домой на этом судне. Нет, затолкали в трюм, задвинули люки — и расстреляли свою бригантину со своего нового судна, с барка. Который и переименовали в «Счастливое избавление».

Так что хлопотами губернатора и автора плана светлые борта «Белой розы» стали черными, закоптили и мачты, и реи. А на самый большой парус нашили черную заплату в форме ромба. На которой — белым по черному — разумеется, был изображен череп!

А он, Крэдок, опять ставший капитаном пиратского судна (нет, конечно, всем, кто пришли-приехали на пристань Порт-Ройала из Кингстона, было ясно, что теперь он пирата играет), в помощники себе взял штурмана «Белой розы» Джозуа Гирда.

¹ Барк, 3–5 мачт, с косыми парусами на кормовой (бизань-мачте) и прямыми на остальных.

² Бригантина — прообраз брига. Оба судна двухмачтовые. Но если у первого прямые паруса на передней мачте (фок-мачте) и косые на задней (у двухмачтовых судов это не бизань, а грот-мачта), то у брига — только прямые паруса.

Тот у него был помощником во времена их настоящего пиратства и не мог отказать своему бывшему патрону участвовать в затеянной тем игре. «Не стоит, — сказал ему капитан Крэдок, — торчать тут без дела, когда твое судно будет в деле, которое, увы, нам с тобой знакомо...»

А игра эта, как вполне по-своему выразился всем известный в Кингстоне карточный игрок, стоила свеч. Игрок этот несколько лет назад служил на том корабле, который однажды настиг барк Шарке. Так что теперь, подойдя на пристани к губернатору, решил он объяснить, почему тогда, после трехчасового боя, его корабль отступил:

— Потому, сэр, что во все время боя возле каждой их пушки стояло по ведру рома! И каждый их артиллерист после каждого своего выстрела... Сэр! После каждого... Хватал из ведра по целой кружке!

Разумеется, с таким объяснением отваги сэр Эдвард согласиться не мог и уже хотел отвернуться от простака.

— Сэр! — поспешил тот со своим мнением. — Я свидетельствую, что «Белую розу» вы с капитаном Крэдоком преобразили не хуже, чем Шарке «Черную». Я, сэр, как увидел сейчас это ваше «Избавление», опять в него выстрелить захотел.

Сэру не очень понравилось, в компании каких преобразователей он оказался, но простодушие очевидца было налицо. И, похлопав бывшего артиллериста по плечу, сэр Эдвард сказал:

— Считайте, старина, что выстрелили вы сейчас в самого Шарке!

3

Едва в море успевали рассмотреть этот черный барк, метались от него суда, будто форель от сачка повара.

Ветер оказался попутным, и уже на четвертое утро беглый матрос показывал то место в Черепашьей бухте Ла Ваша, где, прежде чем уйти на Эспаньолу, стоял его барк. Да, так, капитан Крэдок подумал за капитана Шарке: выйдя из леса, тот увидит, что его вернувшийся с кренгования барк поставлен на то же место.

Бухта широкая, но до берега мелководье, встали за полмили.

На шлюпке сплавали на берег. Да, Шарке на острове! Возле кострища, на ветвях пальм, — мясо, кусками... Прожарили и ушли за новым.

Крэдок приказал забрать мясо на судно: Шарке, увидев в бухте свой барк и не увидев здесь мяса, это одобрил. А его шлюпку (она была оттащена от приливов) оставили на месте, в кустах.

Смотрели, ждали. Каждый на судне — по-своему... Ведь вместо матросов «Белой розы» (они от игры в пиратов отказались) пришлось Крэдоку набрать новых. Эти моряки были в прошлом пиратами настоящими, но их, отбывших свои сроки в тюрьмах, брали на торговые суда неохотно. Увы, что поделаешь: завели семьи — их надо кормить. И нанялись — в пиратов играть! Так что теперь, высматривая на берегу тех, кем в море были когда-то сами, пребывали они в расстроенных чувствах: будто сейчас сами — охотники и дичь одновременно. Нечто подобное испытывал и помощник капитана Джошуа Гирд.

А вот Крэдока все это уже не волновало, он свое прошлое изжил давно и хотел доказать это на деле. Теперь у него вместо бездомной сумятицы той поры — семья, дети, церковь...

Смотрели — все! На прибрежные, в полукольце бухты, пальмы: вот-вот проявятся там они сквозь их перистые одежды. Потом должны через эту серебристую полосу песка протащить лодку к воде. Чтобы плыть на «свое» судно...

Ну да, все бы так! А только...

И на второй день... Никого!

А время идет. Крэдок заволновался. Уже, может, там, в Эспаньоле, окончили кренгование, поставили паруса... Разве что потом узрят в море наживу, погонятся...

Как бы там ни было, а время упускать нельзя.

«Что ж, не поймать — так уничтожить! — решил Крэдок. — Конечно, что говорить, в море я против него, Шарке, может, и не устою, а вот на земле... На земле — еще посмотрим! Прежде всего — найти их охотничий лагерь. И устроить засаду».

С пятью горожанами-добровольцами (уверили, что мушкетом владеют, — и назвал их бойцами) спустился в шлюпку. Подумав, крикнул Гирду, чтобы отрядил с ним матросов: они шлюпку вернут на судно. Потому, если Шарке выйдет здесь к морю первым, должен он увидеть не только вернувшийся с кренгования барк, но и одну на берегу — только одну — свою шлюпку. В таком случае игру здесь доведет до конца Гирд. С матросами.

Как раз эти матросы обладали столь необходимым преимуществом перед матросами «Белой розы» — умели обращаться с мушкетами! И половине из них оружие было выдано. Но это все

здесь — в ожидании возвращения Шарке на «его» барк. В то время как все надо торопить! Не здесь — так там!

После целого дня блужданий наконец по какой-то тропе вышли к индейской деревне. Спросили... Нет — и уже давно — белых людей не видели.

И опять — сквозь заросли, через гряды скал!

Ночевали под деревьями, промокли под дождем.

Вдруг увидели хижину — большой крытый койрой шалаш. А ведь старались идти потише, чтобы не оказаться перед Шарке вместо быков. Так что обитатели хижины выскочили, когда они уже были рядом. Двое, мужчина и женщина. Побежали от них...

Но женщина бежать не смогла, задыхаясь, остановилась.

Крэдок, велел своим бойцам стоять на месте, отдал им мушкет и, подняв руки с обращенными к женщине ладонями, подошел.

Увы, язык белых людей индианка не понимала.

Но Крэдок знал: их мужчины язык белых пришельцев уже освоили. И заговорил нарочито громко:

— Оружие у нас — против таких же, как мы, белых людей! Но они... не хотят жить в мире ни с какими людьми. Они здесь, у вас, охотятся на быков. Может быть, вы их видели? Их — четверо... — И Крэдок загнул один палец и поднял руку.

Что последовало затем? То есть что именно закричали откуда-то в ответ, Крэдок не понял: видимо, на своем языке. Но когда индеец вышел, вернее, выскочил из-за деревьев, кричал он слова, удивившие и Крэдока, и его спутников:

— Убить! Плохой люди... Убить!

— Кто — плохие? Почему надо — убить? — Крэдок, показав себе на лоб, развел руками.

И оказался прав: язык белых пришельцев индеец более или менее знал. Успокоился и рассказал, что охотился вместе с женой. Ведь ни у кого в их деревне не было мушкета, а у него был! Уже было темно, когда на их костер вышли белые люди (индеец тоже загнул один палец). Они подстрелили теленка, мясо поджарили, поделились. Как вдруг мушкет его разобрали, а его самого связали, оставили под дождем. А жену у него забрали на ночь. А утром ушли. И, как он понял из разговоров, ночевать вернуться. Так что они с женой решили уйти домой. Только вот не сразу после такой ночи...

— Охотничий лагерь! — обрадованно обернулся Крэдок к своим бойцам. — Как раз то, что мы искали. Что ж, устроим здесь лагерь и мы...

А охотники те заночевали, видимо, под деревьями.

Но к вечеру следующего дня (а сами не спали — вдруг явятся? С добычей, нет ли, а в шалаше, на перекладинах, еще много мяса) небо заволочили тучи, и Крэдок подумал, что возвратятся в шалаш из-за дождя.

Лежали, вслушивались... Шаги? Какой-то шорох... Будто раздвигают там ветви, что-то там — особенно почернело. Мушкет — поудобнее... Палец — на курке!

А дождя... нет. Звезды... вместо туч.

Нет никого!

А уже стало светать.

— Все! — сказал Крэдок, будто выдохнул все свое терпение. И проговорил зло, будто охотники те виноваты сами, что заночевали под деревьями: — Слишком, значит, уже далеко они от шалаша. Мы теперь скорее увидим быков...

Встали, было пошли. Прошли милю-другую... А идти предстояло немало, а не спали двое суток! Пришлось и самим опять — под деревьями...

4

К морю вышли уже на другой день.

Увы! Шлюпка с барка Шарке — на том же месте, в кустах. Значит, не переплавлялся он, капитан Шарке, на барк.

Вытащили из кустов шлюпку.

И ведь вот не имел Крэдок такой привычки — досадовать на себя при всех, а тут:

— И не поймал. И не уничтожил. Эх!

Горожане (бойцами теперь их Крэдок не называл) гребли молча. Вдруг один из них предложил:

— А что если вернуться? Шлюпку — на то же место и...

— Что ж, заманчивая идея! — Крэдок горожанину кивнул. — В самом деле: вернуться же они к своей лодке. Но, — вздохнул, — если б знать, сколько еще они будут гоняться за быками. Мы... возле этой лодки, а вдруг их барк — с Эспаньоль? Войдет в бухту, а здесь еще одно «Счастливое избавление!» И что же? Эта бестия, Гэллуэй — наше — и осчастливит. Так что скорее отсюда! Только и в утешение нам эта их шлюпка. То есть, конечно, не сама шлюпка... Придется же им пострелять, поорать на берегу, когда появится в бухте их барк.

А к своему — уже подплывали...

Веревочный трап спускал сам Гирд. «Вместо матросов, — признательно подумал Крэдок. — Увидел, что в шляпке Шарке — ни живого его, ни мертвого, хотя бы так посочувствовать захотел. Но... Главная-то неудача здесь, на судне, все на нем оказалось напрасным! Вся эта чернота, все эти пиратские знаки, даже вон — череп на парусе!»

Вдруг... Крэдок вздрогнул: показалось... череп оскакился на него!

— Гирд, забирай якорь! Отдавай паруса! И — с глаз долой все эти разбойничьи причиндалы.

Гирд, однако, свесив к нему тощую свою бороденку, вместо обычного «Слушаюсь, капитан!» спросил:

— Что, не удалось найти капитана Шарке? — Голос какой-то необычный, прерывистый. — Вы, мистер Крэдок, поднимайтесь.

— Уж, наверное, Гирд, не о чем теперь, что ли, говорить.

— Поднимайтесь. А они... — И уже он, Гирд, чуть ли не приказным тоном добавил: — Они пусть остаются в шляпке.

— Что?! — в недоумении спросил Крэдок. — Что это вы, мистер Гирд? Мне, капитану, разрешаете подняться на борт моего судна? Спутникам моим приказываете остаться здесь... Да ты, Джошуа, в себе ли? Что ты там несешь? Болван! — И быстро, поймав ногой веревочную петлю трапа, поднялся.

Но... Только перевалил через фальшборт... Рванули со спины мушкет! Ремень полоснул лицо, сорвал шляпу...

Кто?!

Да нет, этот вопрос потом, вначале — кулак! Его, Крэдока, железный...

И только потом — еще его, Крэдока, шляпа, соломенная, с высокой тульей, покатила и только еще замерла у ног матросов (стояли перед ним толпой), — только тогда, растирая костяшки пальцев, взгляделся...

Наглец, посмеявший такое (рухнул бы на пол, если б не на руки этой толпы), какой-то корявый человечешко — косоплечий, с ничтожной, испитой физиономией кабацкого завсегдатая, — глянул дико из-под сваленных на глаза рыжих лохм... А как одет! Наверное, тот аристократ со Старого Света — барон, а то, может, даже маркиз, — тот, кто свои занятия конным спортом собирался продолжить в Новой Англии, очень бы удивился (если б уже не лежал на морском дне),

какой дикарь влез в его костюм — длиннополый, ярко-красного цвета, для верховой езды! Откуда такой? Такого, в таком наряде, он, Крэдок, не видел...

Впрочем, уж так спешно вместо команды «Белой розы» набирал матросов (пришлось этих бывших пиратов), так что сейчас, в этой толпе, отличить одного из них от другого не мог. Между тем, конечно, нельзя было не признать, что чем пестрее была одежда тех, кто притворялся на его судне теми, кем они когда-то действительно были, тем лучше было для его плана. А только сейчас... Так — смотрят! Неужели?.. Неужели сейчас — не притворяются? Что? Опять пустились в разбой! А где Гирд? Неужто и он за старое...

5

И уже он, Крэдок, хотел бросить этой толпе гневное (капитанское) «Бунт!», как услышал вдруг из-за спин бунтовщиков:

— Ядра! Сюда... В шляпку! Пробить дно — и пусть в ней же и захлебнутся...

Но тотчас другой голос, глухой, будто из-под воды:

— Нельзя! Отменяю приказ! Шляпка-то наша. Расстрелять! Из шляпки потом вытряхнуть!

Услышал затем быстрые, гулкие шаги, и голос — все тот же, властный:

— Так... Посмотрим теперь на главного их мошенника.

Того, кто встал перед ним, Крэдок узнал не сразу — не успел тот добриться, даже забыл в руке бритву, одна половина лица отскоблена, другая — в волосах... И между этими половинами — мертвенно-бледной и буро-серой — длинный, крючковатый нос. Будто клюв вóрона. Глаза — голубовато-мутные, бегающие: на него, Крэдока, на мушкет (оружие на полу!), на этого, в красном костюме... Как раз тот вместе с красным — выхаркал на пол зуб...

Посмотрел на того, одобрил:

— Отличный удар! Узнаю вас, Крэдок. Все еще вы в силе. — Но тут же: — А только, Крэдок, сильные — не обманывают! Вы же — смошенничали. И ведь кого захотели надуть? Э, да вы, я вижу, еще не поняли. Капитан Крэдок! Вы — на барке капитана Шарке!

Крэдок, еще даже не войдя в свое положение, недоверчиво обвел взглядом всю бухту

— А мой... Где — мой?

— На дне. Со вчерашнего вечера.

— А... люди?

— Там же. Отправитесь туда и вы.

Шагнул на мртвечину. Нос... Клюв вороний! Будто — на бритвину... Поднял руку. С бритвой. Взмах! Сверху вниз... По куртке. Куртка была застегнута — раскрылатилась до полы. И все это — молча.

«Это — пока, — понял Крэдок. — Показательно! А — задел... Обожгло... Нет, кажется, не очень...»

Однако Шарке заговорил!

То, о чем заговорил этот мерзавец, обжигало — уже по-настоящему:

— Даже если я вас, Крэдок, отпущу, там вас не поймут. Ну как же! Были... Наверное, уже были у этих бедолаг, ваших матросов, семьи. Ждут! С заработком... А капитан к ним — один! Жив и здоров. Стыд! За судно — спросит владелец. О главном же, о чести, спросит губернатор: «Мистер Крэдок! Где ваша капитанская честь? Явились без судна и без матросов?»

Шарке это сказал. И молчали теперь оба...

«Все так... — Крэдок склонил голову (свинцовой вдруг стала голова). — В самом деле... С чем возвращаться?!»

Вновь заговорил — дьявол... Дьявол-искуситель:

— Только, Крэдок, что я на все это скажу. То есть — я, а не эти сухопутные крысы! Крэдок, все это... Совесть, стыд, честь — ханжество обитающих на берегу. Тех, кто боятся жить с самими собой: обнаружить себе, что на самом-то деле готовы делать, жить не по закону, а по обстоятельствам. Так что, — взгляд Шарке воткнулся в глаза, в душу, — Крэдок, предлагаю... раскрепоститься! Среди нас, рыцарей свободного моря, жить вам будет опять... свободнее. Предлагаю — договор! Мне нужны знающие мореходы, не все же нам с Нэдом торчать на капитанском мостике. Договор, Крэдок! Ваш помощник уже подписал. И это единственное, что теперь может вас спасти. И здесь, и там.

Вот так: «И здесь, и там!» Крэдок обеими руками стиснул виски. Куда теперь — от всего? Остаться с этим чудовищем? Нет! И все в нем, Крэдоке, взвыло: «Тогда уж... Не надо тогда было заводить дом, семью!»

И потом... Он, Крэдок, уже — верил! Верил, что не все кончается на земле. Надо только отрицать в себе все неподобное Ему и, сколько Он позволит, быть на земле человеком.

И уже он, Крэдок, хотел, решил уже именно так ответить душегубу...

Как вдруг — выстрелы, крики! Значит — и тех, в шлюпке...

— Избавляем, — пояснил Шарке. — Кто они у тебя были (уже по-свойски перешел на ты), эти горожане? Все равно! На том свете им будет лучше.

И ведь не зря тот беглый матрос сравнил своего главаря с тореро: от Крэдока, от его рук, увернулся Шарке, как от быка!

Нет, пока еще — не убивали. Помнили: поговорить с тем, кто через минуту-другую станет трупом, их главарь любит... Заламывали за спину руки, связывали ноги (чтобы не бил ногами).

Но нет, сегодня разговаривать с обреченным Шарке не захотел. Из клубка тел, в борьбе покотившегося по палубе, выхватил того, в красном костюме, ткнул ему бритву:

— Сначала — подрежь поджилки. И — за борт! Пусть сначала, прежде чем ляжет на дно, побарахтается там в своей крови.

Мерзавцами из мерзавцев были подручные Шарке, но даже их страшил он ледяным спокойствием, с каким мучил и убивал сам, с каким приказывал мучить и убивать! Они, зверствуя, свою правоту доказывали руганью, ором... Что, мол, они в какой-то там другой, загробный, свет не верят, а потому — гуляют на единственном, этом...

Но если рядовые пираты, те, кому удавалось избежать тюрьмы или виселицы, растворяясь с награбленным в каком-нибудь из американских котлов народов (например, в Бразилии или в Чили), каких-либо доказательств против себя уже боялись, доживали свой век под другими именами, то он, капитан Шарке (Джон Шарке!), доказывал свое имя всей Америке и славы желал — долгой!

Страшной подчас оказывалась эта его слава!

Например, судьба того матроса (уже его судно было захвачено, а он все защищал своего раненого капитана!). В конце концов, когда с матросом справились, приказал он его обезязычить, бросить в одну из ненужных шлюпок, и туда же, к нему, расчлененное тело его капитана...

Или ведь вот... Никто не видел, чтобы его, капитана Шарке, что-то рассмешило, чему-либо хотя бы он улыбнулся. А игры — любил! Так, иногда (после успешного дела кутеж был общий) усаживал с собою за стол двух-трех сообщников и... На какой-то стадии питья опускал вниз, под столешницу, руки с пистолетами, нажимал на курки. Сам вниз не смотрел, не целился, поэтому попадал не всегда (уж это кому как повезет!). И даже после одного из таких застолий захромал квартирмейстер Гэллуэй. Проигравшему, то есть тому, кому

попадал в ногу, тотчас отдавал двойную, капитанскую, долю из захваченного.

Такое — и привлекало! Непредсказуемость гаваря страшила и одновременно увлекала мерзавцев!

Вот и теперь...

Наконец, Крэдока распластали (связали руки-ноги, даже придавили голову — чтобы не бил головой). Как вдруг... Того матроса в красном, уже поднявшего штанины Крэдока до колен, Шарке вдруг остановил! Повернулся к квартирмейстеру (тот как раз отделался от трупов в шлюпке):

— Нэд, мне в голову пришел замечательный план! Так что этого — в наручники — и под засов.

6

Капитан Крэдок лежал под скосом судового днища, в парусной. Тело его после отчаянной борьбы — а еще так нещадно волокли, спускали по трапу, — все горело. Но он, суровый северянин, решившись на достойный конец, был спокоен.

Давно уже, судя по скрипу шпангоута¹ и плеску воды, судно было в открытом море, шло под полными парусами. Наручники (на запястьях) связывал ремень, руки на расстоянии друг от друга менее чем в локоть, ноги связаны веревкой. Но делать здесь было нечего — хотя бы вот... удалось на ногах развязать веревки.

И уже, без питья и воды, начались колики в животе, когда проскрипела дверь, полез к нему кто-то по грудам парусов.

— Это я, Гирд! Принес вам воды, сухарей. Капитан, все, что я говорил вам, когда вы были в шлюпке, говорил под ножом! Простите...

— Что ж, трусость... умереть достойно я бы и простил. Но ты теперь среди этих головорезов! Так что... Господь тебе судья! Однако... Каким образом на месте нашего судна оказалось это?

— Капитан, вы там, на земле, допустили ошибку. Зашли в индейскую деревню, а после вас в эту деревню — Шарке! Там он и узнал, что каких-то белых людей ищут белые люди и что у них у всех — мушкеты! И сразу он — к берегу... Увидел в бухте свой барк: прибыл, значит, с Эспаньолы? Я, капитан, слышал, как он рассказывал своим: «Подумал вдруг, что те, кто меня ищут, приплыли же

сюда на чем-то? И где, черт побери, наша шлюпка? Вглядывался все, взглядывался из кустов. Что-то на судне мне показалось не так. И... Разглядел этот рей.

— Какой еще... рей? — Крэдок даже перестал грызть сухарь. — При чем тут — рей?

— Ну да, капитан, в этом все дело! Матрос этот, беглый, о рее нам — ничего... Забыл, наверное, сказать. Оказалось, грот-рей их барка треснул и его скрепили брусом. А на нашем-то барке рей этот невредим! И Шарке насторожился. Стал ждать... Дождался! Гэллуэй привел их барк. Смотрит: а в бухте еще одно «Счастливое избавление». Он сразу все понял! И — ядрами, ниже ватерлинии... У нас же, вы знаете, была всего одна пушка. Тонуть судно стало быстро. Все бросились в воду. Меня-то Гэллуэй знал давно. Крикнул, чтобы плыл к ним. Других — из мушкетов! А за Шарке с его охотниками сплавали. А шлюпку свою велел он оставить на прежнем месте. Для вас...

— Вот как! — Крэдок в злости хлопнул по парусине. — Ну ладно! Куда ж теперь? Куда направляетесь?

— На Ямайку. Я слышал приказ Шарке: плыть потом, у Ямайки, вдоль берега.

— Зачем?

— Не могу сказать. Вы, капитан, все бы знали... Если бы подписали договор! А я сказать не могу, к управлению пока не подпускают. Вот вас бы, капитан, допустили бы сразу! Если бы вы тоже подписали бы договор.

— Нет! Слишком долго забывал я о спасении души.

— Как хотите, капитан Крэдок. Прощайте!

Сколько прошло времени? Какое там время сейчас?

Здесь, на дне трюма, была только ночь, и не стоит открывать глаза — ночь давила еще больше.

Но вот — Крэдок ощутил — сейчас был день, и, видимо, меняли курс. Понятно это стало по тому, как поднимались и опускались скосы днища. Видимо, пошли против ветра, галсами, лоя его парусами то одного, то другого борта. Скорее всего, входили в какую-то бухту. А чтобы не налететь на прибрежную мель, такие размашистые зигзаги можно делать лишь днем.

Но если и впрямь шли вдоль Ямайки, то что это за бухта?

Вдруг, будто над головой, — пушечный выстрел! В кого?..

И почти тотчас, хотя уже и отдаленно, началась орудийная пальба! Как это понять? Артиллерия на

¹ Шпангоут — поперечное, для жесткости, ребро бортовой обшивки.

Ямайке — только в Порт-Ройале. И что же, Шарке решил устроить бой с целой крепостью? Неужели это хладнокровное чудовище решило развлечься, погулять? Не такой же он дурак...

Больше того, сюда, в глубину трюма, стали доноситься какие-то голоса, что-то протяжное: а-а-а!...

Крэдок, теряясь в догадках, даже встал.

Но вот голоса и здесь! Открыли дверь, осветили фонарем...

— О, он уже на ногах! Распутал веревку. Приготовился — с нами? А шляпа? Где твоя шляпа? Вот она... Надень! (Так с ним, мистером Крэдоком, так грубо не смел до этого разговаривать никто.) Что? Руки?.. Нет, браслеты твои размыкать не будем. Что ж, поухаживаем за королем. Нахлебчим.

— В шляпе решили топить?

— С этим еще успеем. Пошли.

Люк вверху — квадрат дневного неба — ослепил!

Затем, уже на выходе с трапа, ослепило другое... Даже остановился... Остановилось дыхание! Еще бы... Вверху, на бизань-гафеле, сразу два флага — Британии и пиратского «Веселого Роджера». Символ добропорядочности над символом злодейства!

Толчок в спину! На палубу...

И здесь: над капитанским вымпелом — британский флаг!

7

После трех суток пребывания во мраке, в полной оторванности от всего, невозможно понять, что здесь, на свету, происходит. Идут сдаваться властям? Но — помиловать этих? Нет, прав тот военный капитан: голову самого Шарке нельзя доверить даже виселице, и он готов ее засушить на бушприте¹ своего корабля.

Пока же вот он, Шарке, в окружении вестовых (барк слишком большое судно, чтобы приказания, отдаваемые капитаном под грот-мачтой, услышали парусные команды фока и бизани).

Впереди, на берегу, — белая россыпь домов Порт-Ройала, серый прямоугольник казармы, красно-кирпичные форты крепости. Над последними то и дело вспыхивают клубы дыма. Стреляют? Но в бегущих навстречу волнах — ни булька-

нья, ни шипенья ядер... Достать до судна пока еще невозможно.

Все непонятно и здесь, на палубе... Весь левый борт (повернули в правый галс) облеплен теми, кто не участвует в управлении парусами (управляют сейчас с палубы, фалами), и все кричат. Почему так радостно?

Нэд Гэллуэй, квартирмейстер, поставил его рядом с предателем. Тот здесь тоже — изображает какой-то восторг, машет...

А, таки, пришлось обратиться к ренегату:

— Что у вас здесь происходит? Радуетесь пальбе из крепости?

Гирд, вместо ответа, махнул в другую сторону.

Там, в проходе из гавани Кингстона, между скалами, двигалась шхуна. Это была, Крэдок сразу ее узнал, шхуна губернатора. Совсем небольшое суденышко, а видно, столько сейчас на нем народу! Кричат, кажется, тоже, но их крики теряются в здешнем оре. Приветствуют? Кого? Мелькают над головами руки, шляпы...

Крэдок взгляделся. Сказать — «протер глаза»... Что?! Не веря, не желая в это поверить... Однако в ужасе начало доходить: встречают его, Крэдока! Неужели? Ну да, видимо, так...

И нельзя было их не понять — то, как они здесь подумали: мол, от этого, черного своего обличья, «Белая роза» сможет очиститься только дома. И даже... еще теперь интереснее им посмотреть на барк после того, как пойманный Шарке — в этом здесь, кажется, уже уверились, — принял его за свой.

Шарке же в этом им только помог — в их уверенности, что его поймали и теперь доставляют на этом, на своем «Счастливом избавлении». Вот, значит, почему так долго и, наверное, как можно ближе к берегу вел он судно вдоль Ямайки: чтобы увидели на его мачтах британские флаги! Чтобы подготовились к встрече. Что ж, подготовились...

И вот уже там, на палубе шхуны, группа (конечно же, это офицеры гарнизона) взорвалась особенно видимым восторгом — наверное, в подзорные трубы, разглядели его, Крэдока...

Шарке (он, чтобы не разглядели его, вскинув к глазам подзорную, стоял под вантами грот-мачты) на эти приветствия отозвался тотчас:

— Нэд, пусть капитан Крэдок помашет им в ответ шляпой!

И тут же услышал Крэдок его другой приказ, с которым вестовой помчался вниз, к артиллеристам:

¹ Бушприт — брус для закрепления носового паруса судна.

— Без команды — не стрелять! Амбразуры открыто, только если не удастся подойти для абордажа. — И опять этому своему квартирмейстеру: — Нэд, если зацепимся, губернатора беру на себя!

В Крэдоке все заледенело!

Барк, хотя и в галсах, продвигался вперед — а главное, легко и радостно мчалась вперед шхуна. И — Эдварда Комптона, его крупную, в красном плаще, фигуру Крэдок уже различал среди офицеров. Шляпу губернатор то ли снял сам, то ли ее сорвал ветер — огненно-рыжая голова победно высилась над частоколом офицерских фигур (петухи всегда о своих победах горланят на заборах). Но ведь он, сэр Эдвард, он, губернатор! И сделал он все, чтобы осуществился его, Крэдока, план поимки пирата Шарке. Сейчас же, по этому же плану, пират может пленить его самого. Губернатор — пленник Шарке! Такое станет вершиной славы этого всесветного разбойника! Что же делать? Руки — связаны, держат за локти... Крикнуть? Но там слышат лишь этот их ор...

А вот голос сзади, от грот-мачты, жестяной голос Шарке, услышал не только его квартирмейстер:

— Нэд! Что-то там засомневались, взялись за фалы... Почему он у тебя не приветствует? Воткни в него сколько надо... Чтобы помахал шляпой.

Нэд выхватил свой нож-кинжал. Тут Крэдока осенило:

— Чем же? Браслетами этими махать? Смогу!

И оказался прав: во всей этой кутерьме Гэллуэй не взял ключ от наручников. А время ли за ним бежать в каюту?

— Сейчас — помашешь, — осенило и его, квартирмейстера. — Расставь руки, натяни ремень...

Едва успел он, Нэд Гэллуэй, разрезать на руках Крэдока ремень... От взмаха этих могучих рук отлетели в стороны и он сам, и те, кто на время этой операции отпустил руки пленника.

«Взлетел! «Взмахнул! Вскочил!»

Каким образом Крэдок вскочил на фальшборт? Такое можно объяснить разве что бешен-

ством, какое подчас преобразует даже слабого, неловкого человека. А уж — Крэдока!

Но и вопрос: сколько времени можно простоять на отнюдь не широком поручне фальшборта?

Крэдок простоял на мгновение больше, чем потребовалось всем онемевшим от неожиданности на барке прийти в себя.

Онемели и на шхуне, увидев капитана Крэдока стоящим на фальшборте с какими-то обрывками на руках. То есть простоял Крэдок ровно столько, чтобы в наступившей тишине успеть крикнуть:

— Берегитесь! Это — барк Шарке!

И, согнув (спружинив) ноги в коленях, оттолкнулся от фальшборта так, чтобы оказаться как можно дальше от корпуса судна.

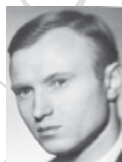
Нет, конечно, участь его, Стивена Крэдока, была предрешена. Пираты готовились к бою, мушкеты уже были у их ног — да и в кого им теперь оставалось стрелять? Ведь тем, на шхуне, Крэдок все если не сказал, то — показал... Фалы, которые там еще держали матросы в нерешительности, немедленно были задействованы для поворота парусов. И — повернули штурвал!

Между тем Шарке спас свой барк! Если бы и он сейчас заразился захватившей всех страстью застрелить беглеца (однако ведь и не сразу попали в того, кто, хлебнув воздуха, опять и опять плыл под водой — сначала расстреляли слетевшую с его головы шляпу), если бы он, Шарке, допустил продвижение судна хотя бы еще на два-три кабельтовых (в поле досягаемости пушечного огня), то в крепости опомнились бы от такой превратности и начали бы стрелять уже не холостыми. Однако капитан Шарке не только умел держать себя в руках (поражаясь его хладнокровию, вспоминали холодную рыбу кровь), но и обладал реакцией акулы (хотя бы и рыбы тоже): парусная команда грот-мачты тотчас услышала его самого, а к фок- и бизань-мачтам помчались вестовые...

Впрочем, развернуться еще быстрее удалось потому, что судно поворачивало в очередном галсе.

Окончание следует.

О переводчике. Юрий Сенчуров после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь». Его переводы и статьи — в составленных им собраниях сочинений иностранных писателей. Пишет и для детей.

*Составление и перевод с английского
Юрия Сенчулова*